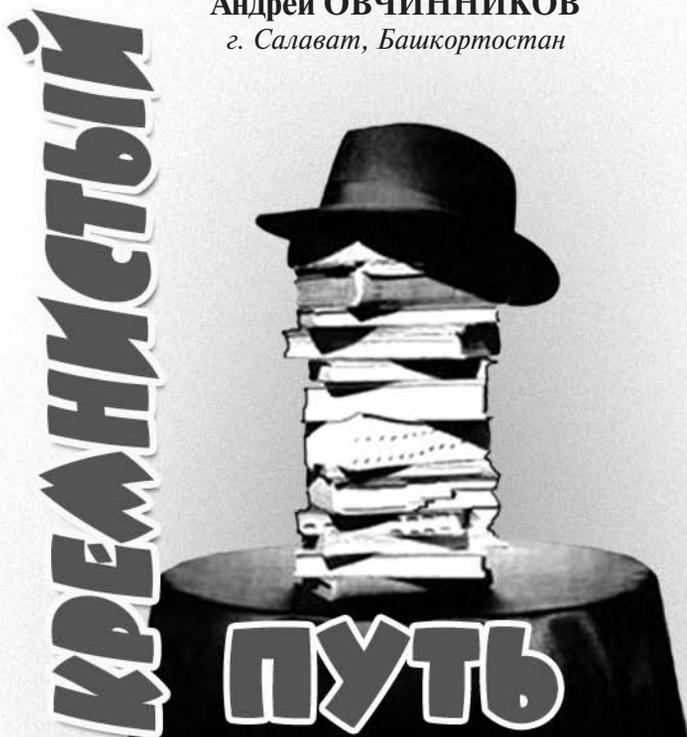

Андрей ОВЧИННИКОВ

г. Салават, Башкортостан

Жил-был товарищ Птицын. Начальство его так и звало — товарищ Птицын. Внезапно — бац — вышел на пенсию. Сначала обрадовался. После огорчился. Как подумал, что больше не бывать в родном, пахнущем машинным маслом и обгоревшими проводами трамвайном депо, тоска взяла. Будучи в состоянии грусти, Птицын написал стихотворение о трамвае. Трамвай получился живой и героический:

*Трамвай сквозь бури и ветра
Везет людей везде, всегда!
Сквозь круговерть невзгод и год
Везет людей он на завод!*

Вечером, обмывая уход на пенсию, Птицын прочитал стихотворение шурина. Тот, отодвинув рюмку в сторону, встал и, глядя в глаза Птицыну, торжественно произнес:

— Александр Сергеевич, ты не Птицын, ты Пушкин!

И добавил:

— Я памятник воздвигну тебе нерукотворный!

Птицын тут же сочинил стих про шурина. Шурина обнял Птицына и крикнул жене:

— Валя, Птицын у нас гений!

Валя, вытирая красные руки о фартук, присела на табуретку. Птицын тут же сочинил торжественную оду про Валю. Валя посмотрела на Птицына особо ласково залоснившимися после рюмки глазами и сказала с придыханием:

— Нет, не зря тебя Александром Сергеевичем назвали, ай да Птицын, ай да сукин сын!

Выпив третью за неоспоримый талант, шурина спросил:

— А можешь, как Пушкин? Белеет парус одинокий?

Птицын сочинил про парус. Шурина стремглав выскочил из-за стола. Вернулся с соседом из двенадцатой. Сосед носил очки, потому слыл интеллектуалом, хотя работал стропальщиком.

Шурина обратился к Птицыну:

— Зачти про парус!

Птицын прочитал.

Сосед не спеша выпил рюмку, хрустнул огурчиком, хлопнул вторую и, оглядев ерзавших от нетерпения любителей муз, авторитетно заявил:

— Круто, парни! Круче Пушкина!

Вдох облегчения прокатился над столом, водка полилась рекой. Прощаясь, Птицын сказал, что он один выходит на дорогу. Валя утерла уголок фартука слезу.

Возвращался Птицын домой в приподнятом настроении. Жизнь снова обрела смысл. Кремнистый путь к славе блеснул. Подойдя к дому, Птицын остановился возле погнутого грузовиком столба. Осмотрев столб, Птицын обнял его и посвятил столбу три сочувственных четверостишия. Потом полчаса читал свои экспромты Стрелке, дворовой собачонке. Собачка слушала Птицына, приподняв одно ухо, с почтительным вниманием. Потом заскулила, подняла ногу, обмочила штанину Птицына и убежала. «Поэта каждый может обидеть», — подумал Птицын.

Утром, встав пораньше, Птицын принялся за устройство своего рабочего кабинета. Не хватало фолиантов. Собрав поваренные книги жены и учебники детей за 3-5 классы, Птицын, рассовав их по полкам, установил у окна старый кухонный стол. Тополь за окном приветливо шевелил ветками. «Напутствует», — сообразил Птицын. Кабинет принял законченный вид. Поставив на стол лампу с абажуром, поэт сел творить. Записав в толстую тетрадь стихи про трамвай, парус, столб, собачку Стрелку, шурина, его жену Валю,

задумался. В сравнении с многотомными рядами книг классиков получалось маловато. «Будем работать, — строго подумал Птицын, — работой нас не напугаешь». На обложке Птицын готическим шрифтом вывел: «Том первый».

На следующее утро, надев лучший, в зеленых турецких огурцах, галстук, Птицын, освободив для нетленок от банных принадлежностей старый портфель, отправился в редакцию городской газеты.

Главный редактор, знавший Птицына по статье «Особенности отворачивания трамвайных гаек», прочитав стихи, удивился:

— Ты чего это в поэзию ударился?

— Да вот, снизошло, — скромно улыбнулся Птицын, подняв глаза к потолку.

— Может, тебе еще поработать? Блохи проскакивают.

— Какие еще блохи? — нахмурился Птицын.

— Мы так ошибки и опечатки называем.

— А корректоры у тебя на что? — осведомился Птицын.

Редактор вызвал заведующего отделом культуры и быта.

— Петя, посмотри оды Александра Сергеевича.

Петя, полистав рукопись, поскущел, сказал «угу» и скорым шагом вышел из кабинета.

«Сволочь, не любит работать», — разоблачил Птицын Петю.

Пообещав прийти на следующий день, Птицын поспешил домой — творить. Работы предстояло непочатый край.

Утром, аккуратно сложив листки будущего сборника в папку, с получившим новую должность портфелем Птицын величественно шагал по светлым улицам городка к славе и почестям.

В кабинет «главного» заглянул давешний бездельник Петя.

— А, Никифор Ляпис-Трубецкой пожаловал, — поздоровался с Птицыным Петя и прицелился смыться.

«Со знаменитым поэтом сравнивает», — припомнил Птицын и приосанился.

— Я еще стихи написал, — нарочито скромно произнес Птицын, протягивая пухлую папку.

Лицо у Пети осунулось. Он взял папку, зачем-то перевязал тесемки морским узлом.

«Тунеядец, — беззлобно подумал Птицын. — Пожалует еще».

— Стихи у вас хорошие, патриотические, — ска-

зал одумавшийся Петя, — но не наш формат — вам лучше обратиться в заводскую газету.

— У нас в трамвайном парке нет газеты, — буркнул Птицын.

— Тогда обратитесь в «Луч света», это их формат, — вспомнил Петя про конкурентов. — Только настойчивее нужно быть, они это любят.

«Луч света» была газетой бесплатных объявлений с картинками кошечек и полуобнаженных девушек.

Птицын в ярости шагал по городу. Тот стал неприветливым, пыльным и грязным, кремнистый путь еле поблескивал. «Он даже ничего толком не прочитал! Самое лучшее у меня в папке», — с гневом думал о тунеядце Пете Птицын.

Дома на столе лежала газета ненавистной редакции. В ней стихи. Но не Птицына, а какого-то Северянина. «Северянин этот, не Колька ли из первого подъезда? Сейчас он вроде бы на севере», — подумал Птицын. Прочитав стихи, плюнул. Ничего особенного, даже пошлые. «Где этот Колька-северянин видел синие сонеты? Он, наверное, что такое сонет, даже не знает. Сонет — это амфибрахий! А туда же, стихи кропать. И где он видел робость у «Газелей»? Наоборот, носятся как оглашенные. В этой редакции ничего в поэзии не понимают. Колька им заплатил, вот и напечатали». От этой мысли стало спокойнее. «Конечно, не понимают, не доросли, провинция, бескультурье, мухи кругом. Я ведь в свои стихи такой глубокий смысл зашифровал, где уж им понять».

Душа обрела покой. Птицын с присущим ему трудолюбием и старанием снова начал творить.

Вдохновение душило его, но для счастья чего-то не хватало. Двенадцать толстых томов с золотым тиснением на корешках — «ПТИЦЫН. Собрание сочинений» — снились ему каждую ночь.

Петя оказался прав, на третьей неделе ежедневного посещения «Луча света» редактор сдался. В праздничном номере, посвященном Дню города, напечатали стихотворение Птицына «Улица Вокзальная».

Через два дня Птицын, окрыленный успехом, сидел в кабинете «главного».

— Я написал стихи про все улицы города, — гордо сказал он и протянул папку.

Редактор помрачнел, но взял себя в руки.

— Знаете, газета для вас — это мелко. Не заду-

маться ли вам о книге? Сейчас издательства за деньги готовы на что угодно.

— Это мысль! — воскликнул Птицын и, обняв облегченно вздохнувшего редактора, бросился домой.

Идеей Птицын поделился с Василием Бориславовичем, что жил в доме напротив. Василий — пенсионер и напарник Птицына по домино, идею воспринял горячо. Он выразил желание присоединиться к проекту и издать свои стихи. Бывший начальник участка заправки огнетушителей Василий поведал, что раньше баловался стишками для стенгазеты «Гори, гори ясно».

На следующее утро Птицын с Василием отправились по указанному редактором адресу. В издательстве встретили радушно, напоили фальшивым кофеом с «деревянными» баранками, похвалили стихи.

— Мы из вас сделаем издательский проект! Вы будете нашими Бушковым и Акуниным в одном стакане! Когда ждать второй том?

Составили калькуляцию. От нолей у Птицына закружилась голова. Но Василий молча подписал договор, сдав свою тонюсенькую папку редактору. «Погиб поэт, невольник чести, — вспомнил Птицын. — Прав был тезка».

С этого дня Птицын потерял покой. «Василий, конечно, друг, но стихи у него говно и даже рядом не стоят с моими. Но парадокс, скоро Васька будет держать в руках пахнущую типографской краской книжечку и, даря друзьям, будет подписывать — от автора. А я...»

Новый удар поджидал Птицына в субботний вечер. В кругу собравшихся за домино пенсионеров Василий похвастался, что готовит второй сборник стихов на тему героизма пожарных, и прочитал стих про брандспойт. Брандспойт получил живой, героический:

*Брандспойт сквозь пламя, дым огня
Людей спасать ведет меня!
И я дрожу, я сам не свой!
Я прикипел к тебе, Брандспойт!*

«Это же про мой трамвай, — осенило Птицына, — плагиатор!» Но ничего не сказал и уныло побрел домой.

Ночь он не спал, думал, где взять деньги. В сущности, было два пути: или занять, или что-нибудь продать. Занять не у кого, единствен-

ный, кто мог одолжить, Васька, но он сам занят выпуском сборника. Оставалось что-нибудь продать. В гараже у Птицына жила его ласточка — машина. Цвет серый, с сивым оттенком. Любопытствующим Птицын объяснял: машина у него цвета морской волны в момент прибоя. Машину было жалко. Как он ее лелеял! Ездил в исключительных случаях: в деревню к теще или за урожаем на огород. Каждый выходной приезжал в гараж, выкатывал свою ласточку, мыл стекла, протирал досуха, полировал, тщательно выковыривал отверткой камушки, застрявшие в углублениях рисунка протектора. И вот теперь предстояло расставание. Птицын ободрял себя тем, что цель святая и никакие жертвы не смогут его остановить.

Птицын заглянул к Семенычу. Тот давно предлагал продать ему машину. Сделку закрепили «беленькой», и окрыленный Птицын на следующий день полетел в издательство.

Через месяц Птицын грузил в бывшую свою машину тяжелые блоки обернутых в бумагу книг. Прикинув грядущую прибыль от продажи нетленки, Птицын почувствовал себя богатым и знаменитым. «Слава и богатство всегда идут рука об руку», — подумал будущий поэт-миллионер.

Объехав имеющиеся в городе книжные магазины, оставив в каждом по пятьдесят экземпляров («Завтра завезу еще», — обещал директорам знаменитый поэт), Птицын сгрузил с полтысячи оставшихся к себе в кабинет. Сказка начинала сбываться. На самом видном месте, рядом с учебниками и поваренными книгами, стояла книжка с выпуклой фамилией ПТИЦЫН на форзаце. Выйдя во двор к играющим в домино соседям, Птицын затеял дарить экземпляры с авторской подписью. Брали дружно, отказников не было, образовалась небольшая очередь. Раздались крики: «Петька здесь не стоял!», «Больше одной в одни руки не давать!» Это был успех.

Утром, набив багажник машины кубами брошюр, Птицын поехал восполнять поредевшие ряды своих произведений. К изумлению Птицына, ни одного экземпляра продано не было. Результат нулевым остался и через неделю, и через месяц. Птицын решил действовать. Под видом покупателя он как бы невзначай советовал немногочисленным любителям поэзии:

— Я бы вам рекомендовал этого автора, —

указывая на свою книжку, заговорщицки шептал Птицын.

Любители поэзии, пролистав страницы, подозрительно смотрели на него, воротили нос и, положив книжку на полку, спешили к выходу.

Размышляя над неудачей, Птицын пришел к выводу: виновата обложка. Как известно, реклама — двигатель торговли. Обложка его книги была невзрачной и никого не привлекала.

Отношения с домашними после продажи гаража вместе с машиной окончательно испортились. Пришлось вставить в дверь кабинета замок. Жена кормить Птицына, тратившего пенсию неизвестно на что, категорически отказалась. Но Птицын в творческом запале уже не обращал внимания на такие мелочи. На подходе была третья книга. Выручили китайцы: чайник и разовая лапша «Ролтон» — больше Птицыну ничего не надо.

Нужны деньги. Деньги, конечно, будут после реализации, но ждать некогда. Птицын решил продать квартиру. «Поживу лето на огороде Семеныча, ему нужен сторож для охраны урожая».

Продажу облегчал отъезд жены к своей маме. Рабочий кабинет перевезли на дачу Семеныча за три рейса. Два рейса ушло на перевозку нереализованных книг. «Теперь я как настоящий писатель в Переделкино. Здесь никто не мешает, твори сколько душе угодно», — думал счастливый Птицын. Он творил.

Никто его не отвлекал. Пару раз появлялся Василий и завистливо говорил:

— Вот ты работаешь, а я чего ни напишу, все уже было. Или у Пушкина, или у Некрасова.

— Мне легче, я ведь не читатель, а писатель, — гордо объяснял Птицын.

Но однажды монотонное течение работы было нарушено.

К нему заявился сосед шурина и, потрясая брошюрой, торжественно произнес:

— Сейчас мы из тебя гения сделаем покруче Блока и Пастернака! Дуй за литрушкой.

У Птицына было. Он отодвинул бумаги на столе, достал пыльные стаканы, дунул внутрь и пальцем стал выковыривать сухих мух и ос. Одна из ос оказалась живая. Птицын взвыл, хотел выматериться, но вспомнив, что он поэт, сдержался.

— Хорошо устроился, как Лев Николаевич в

Ясной Поляне, — одобрил после первой сосед. — Что главное в творчестве?

— Что главное в творчестве? — эхом ответил Птицын.

— Главное, расширение сознания, — произнес после второй сосед. — А как его достичь?

— Как? — нетерпеливо спросил Птицын.

Сосед снял очки, протер грязным платком стекла и постучал по брошюрке:

— Вот радикальный ответ. Здесь написано, как великие классики добивались расширения сознания. Расширил сознание — и пиши на здоровье. Отец-Дюма таким образом 300 романов написал.

— Фью-ю-у, — присвистнул Птицын. — Вот это да! Твой отец?

— Кто?

— Дюма.

— Нет, своего сына, тоже Дюма.

— А-а-а, давай рассказывай про расширение, — не разобравшись в родственных связях, заерзал на табурете Птицын...

...Утром Птицын проснулся с больной головой, осмотрел комнатку и, не обнаружив брошюры, попытался вспомнить вчерашний разговор. «Я должен стать круче Шлакоблока и этого, как его там, с фамилией овоща: Топинамбур, Турнепс, не важно, главное, круче», — с трудом шевелил мозгами Птицын. Неожиданно наступило просветление:

— Нужно расширение сознания. Способов много, будем пробовать последовательно, — принял решение Птицын. — Так, Бальзак жрал гнилые яблоки. Ну, этого добра здесь навалом, будем жрать.

Найдя большой таз, Птицын отправился к яблоням. Набрал таз самых червивых падалиц разных сортов (черт его знает, какой сорт предпочитал Бальзак), Птицын приступил к расширению сознания. Вместо расширения образовался понос. Промучившись три дня, Птицын понял — этот способ не для него. «Разные организмы у нас с Бальзаком», — подумал Птицын и приступил к способу Хемингуэя.

А именно: расширять сознание с помощью спиртного. У Птицына было. Он решил действовать кардинально, ударной дозой: закуски минимум — водки максимум. В результате Птицын опять оказался в туалете. На этот раз целый день

блевал, мучительно, но скудно. Еще день ушел на восстановление организма. «Да-а, у нас и с Хемингуэем организмы разные», — решил Птицын и приступил к новому способу.

Сосед шурина рассказывал, что Франс держал ноги в холодной воде, отчего сосуды сужались и кровь прилиwała к мозгу.

«Вот это научно!» — обрадовался Птицын и, достав тазик из-под бальзаковских яблок, наполнил его колодезной водой, добавил для верности льда. Вместо расширения образовались насморк и высокая температура. Неделя вычеркнута из творческого процесса. Птицын не сдавался.

Вспомнив, что Гюго вдохновлялся видом моря, Птицын, взяв тетрадку и раскладной стульчик, отправился на местный пруд.

Едва Птицын устроился в тенечке на берегу, как к нему подошли два угрюмого вида мужика и предложили дать им на опохмелку. В результате Птицын обзавелся «фиалкой» под глазом и ободранными коленями, лишившись складного стульчика.

Птицын решил попробовать последнее. Метод Гете был близок духу Птицына. Гете, как рассказывал сосед шурина, на склоне лет вдохновлялся присутствием молодых задастых горничных.

Где водятся горничные? Нигде. Птицын отправился в городской парк. Он решил ограничиться парой размалеванных девиц. Они сидели на спинке скамейки и время от времени прикладывались к бутылке пива. Обольститель пригласил на дачу, обещав показать, как творят поэты, добавив, что запасы имеются. Непоседы, на удивление, согласились сразу.

Девицы съели недельный запас продуктов, выпили остатки водки, приклеили на зеркало

жвачку. Когда Птицын попытался, как Гете, погладить одной попку, тут же получил оплеуху и свалился со стула. Оскорбленные музы гордо покинули «Ясную Поляну».

Птицын пришел к выводу, что расширение сознания не для него. «Обойдусь! — рассердился на бальзаков и хемингуэев Птицын. — Главное, труд». «99% труда и 1% таланта — вот что значит гениальность», — вспомнил Птицын и сел трудиться, приложив мокрое полотенце к скуле.

...На деньги, полученные от продажи квартиры, он издал собственное собрание сочинений в 11 томах. До задуманной серии не хватало двенадцатого.

...Осень ржавой листвой покрыла маленький уютный дворик.

В центре двора за столиком сидели пенсионеры, толпились любители и болельщики домино. После мощного удара Семеныча костяшкой по столу и не уступавшего по числу децибелов всеобщего вопля «рыба!» Колька-северянин спросил сидевшего рядом Василия:

— Бориславч, а где твой друг Птицын? Давно не видно.

— А ты разве не в курсе? Александр Сергеевич сейчас на излечении в диспансере для душевнобольных. Повязали две недели назад. Торговал своими книгами возле памятника Пушкину. Голого, обернутого мокрой простыней, обнаружили. А ночи-то холодные теперь, дождливые, вот на третью и взяли.

— А какой человек был, стихи писал, — вздохнул Семеныч, собирая домино в коробочку. □

Андрей Викторович ОВЧИННИКОВ

родился в 1963 году в г. Бирске.

По образованию историк. Публицист.

Публиковался в уфимских, нижегородских, московских периодических изданиях, в том числе в журналах

«Бельские просторы», «Литературный Башкортостан».

Член Союза журналистов РФ и РБ.

Живет в г. Салават Республики Башкортостан.

В журнале «Север» публикуется впервые.

